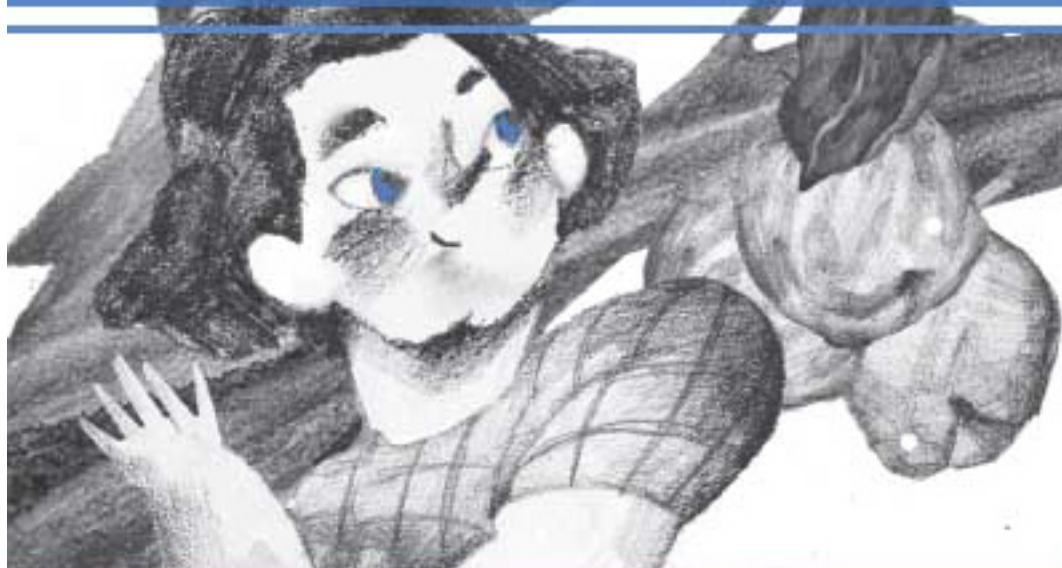

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Юрий Нечипоренко
**СМЕЯТЬСЯ
И СВИСТЕТЬ**

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Юрий Нечипоренко
Смеяться и свистеть

Издательство «Детская литература»

2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нечипоренко Ю. Д.

Смеяться и свистеть / Ю. Д. Нечипоренко — Издательство «Детская литература», 2012 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-006282-7

Чем подросток отличается от взрослого? Только отсутствием жизненного опыта. Приобретение опыта – дело медленное и трудное, но интересное. Опыт общения, опыт наблюдения, опыт исследования – всё это однажды сложится в единое целое. Не одна ошибка будет сделана на этом пути, не одна победа над собой одержана. И очень важно, повзрослев, помнить этот путь, не погубить в себе внутреннего ребёнка, не разучиться смеяться и свистеть. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006282-7

© Нечипоренко Ю. Д., 2012
© Издательство «Детская литература», 2012

Содержание

О Конкурсе	6
Часть 1	8
Дерево детства	8
Шпак	15
Конец библиотеки	17
«Шипка»	19
Ёжик и самопал	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Нечипоренко

Смеяться и свистеть. Повесть в рассказах

© Нечипоренко Ю. Д., 2012

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Пудеева Л. Д., иллюстрации, 2020

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2020

* * *

О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2020 года в серии уже издано более 50 книг. Вышли в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Планируется издать в лауреатской серии книги-победители всех конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Считается, что детство заканчивается с окончанием школы, когда дают аттестат зрелости. Но внутри каждого человека остаётся какая-то часть детства – и ещё долго живёт... Иначе бы взрослые никогда не смогли понять детей. Но и дети могут лучше узнать взрослых, когда увидят их в развитии, в движении – во взрослении!

Повезло тому, у кого есть старшая сестра или брат, – те могут рассказать, что происходит дальше, когда школа кончается. Будущее притягивает... Вот почему в этой книжке вместе с рассказами о дворе и семье есть рассказы о поступлении в институт и жизни студентов. В каждом человеке детство перемешано со взрослостью. Эту книжку могут читать и взрослые и дети – те, кому за десять... Каждый здесь обнаружит порцию приключений и опыта, свою «пропорцию» детства и взрослости.

Часть 1 Двор

Дерево детства

Верба.

Она возносится над двором, как светло-зелёный фонтан. Ветер перебирает струйки, канатики веток, словно прядёт зелёную сеть, чадру с блёстками. Верба укрывает дом от жаркого солнца, тени перебегают по земле.

Дом белый, двухэтажный.

Двор огромный, как материк, ограниченный неровной линией заборов, сараев, гаражей. Они теснятся по краям двора, выступают, отступают – так меняет очертания полоса прибоя.

В жару соседи проводят всё время во дворе, в летних кухнях. В сараях они разводят кур, кроликов и индюков.

Из гаражей высовываются «Волги» – как огромные хищные рыбины с зубастыми радиаторами.

Цыплята по двору прыскают, петухи выклёвывают своё отражение в хромированных зобах автомашин, скворцы с вербы трещат, заливаются – вот жизнь!

Из кухонь веет вкусными дымами – когда борщ варят, картошку жарят, яблоки пекут.

У каждой двери летней кухни по яблоне растёт.

Непонятно, это личные яблони соседей или общие?

Те, что чуть поодаль растут, я обрывал смело, потому что наверняка общие. Одна яблоня – перед входом в летнюю кухню Андрусских – не давала мне покоя. Яблоки на ней здоровые, как мячики. Хотя сам Андрусский, Фёдор Петрович, мне крёстный, не совсем удобно, если семья его во дворе, без спросу рвать у них под носом яблоки.

Потому приходится ждать до вечера, пока они домой пойдут.

Но окна их квартиры тоже выходят во двор, так что и вечером приходится всё делать осторожно – не трясти яблоню, как макака вешаясь на ветки, а тихонько обирать, будто проходил мимо и ненароком яблоко на глаза попало. Ну, хочется его потрогать – спелое ли, потому что интересно, когда же они поспевают? А оно как раз поспевает и само падает в руку. Значит, так суждено, чтобы съесть его именно мне.

А бывает – соседи сами угощают печёными яблоками или варёной кукурузой с горячими пупырышками на жёлтом початке...

Одна соседка у нас злая. Она всё время за своим деревом следит и яблоки считает.

Это же надо догадаться – яблоки на дереве считать!

И потом, конечно, заявление моему отцу: мол, ваш сын опять на нашем дереве пасся...

Во-первых, я не баран какой, чтобы пастись. И вообще, вопрос это спорный: пусть даже тётка посадила яблоню сама, но ведь на дороге! И когда проходишь мимо, то ты уже как бы вместе с этими яблоками, заодно. Да и я сам, помню, эту яблоню из лейки поливал. Если бы она была за загородкой, тогда другое дело. А так проходишь мимо и всякий раз соображаешь: «Вот яблоко висит». А я не могу долго думать про одно и то же – тупею.

Вот яблоко висит вот облако висит яблоко висит...

Надо как-то выходить из этого круга.

Опять иду по дорожке на кухню и вижу: на тебе!

Висит...

Конечно, хочется сорвать.

А тётка смотрит злобно – меня подозревает.

Я от этого взгляда последнее уважение к ней теряю, и хочется яблоко съесть не просто так, а ей назло.

Потому что не люблю, когда люди подозревают... Это низко! И надо обязательно сделать то, в чём подозревают, иначе получается нечестно: подозревают ни за что!

Её дерево я оборву вечером в первую очередь.

Другое дело – соседний двор. У них там настоящий сад: яблони, вишни, шелковица, крыжовник...

Особенно вишни. Они через забор к нам перевешиваются.

Ветки, что на нашей стороне, мы обираем смело: они законно наши. Но и совсем рядом с ними тоже растут лакомые вишни, только за забором. Тут, может быть, мы и неправильно поступаем, но лезем на забор.

Неудобно: он шатается, держишься за него одними ногами, потому что руки очень заняты...

Соседи, которые за забором, заключили однажды с нами договор. Они поставили полведра шелковицы, чтобы только мы в их сад не лазили.

Это я понимаю! Конечно, на такое условие мы согласны. Они показывают, что нас уважают. Не просто так орут из-за забора: «Не лезь-кому-сказал-сейчас-поймаю-штаны-сниму-ноги-повыдёргиваю!» А вежливо говорят: «Понимаем ваши трудности: у вас людей много, а деревьев мало...»

Это тонко и дипломатично – так что я потом в их сад за вишнями совсем не лазил.

Только, конечно, такой договор не навсегда – когда в следующем году созреют вишни и опять будет тяжело на них смотреть, тогда, конечно, надо опять полведра шелковицы...

Весной соседи всем двором причёсывают вербу.

Из земли рогаткой, раскорякой торчит огромный ствол – я обхватить его не мог. Вся кора в мощных извилистых морщинах.

Кора с извилинами – как в мозгу. Когда глупый, говорят: «извилилин мало». На дереве было много извилин. Потрогаешь пальцем – они с подплавленными краями, внизу у земли – серые, глубокие, как борозды на поле, а кверху становятся всё мельче. Кора утоньшается – и верхние веточки вовсе нежные, как у рака усики. Ветки свешиваются вниз, и целая копна таких усиков-волос с длинными узкими листьями спускается почти до земли. Так верба сама себя укрывает.

Листья на ней есть совсем мелкие – как пёрышки на школьной ручке. По кромке идут зубринки, а на внутренней стороне листа – белёсая подкладка из мелких волосков, словно пух цыплячий. Листья похожи ещё на пёрышки птиц. Интересно, если бы верба взмахнула ветками, взлетела бы или нет?

Соседи залазят по стволу наверх, карабкаются по приставным лестницам, сидят на ветках. Стиляга Витька Гордукалов, и толстенные девки Мальшевы, и Печенковых целая семья, Андрусский Петька, похожий на Буратино, и Нищенко, дородная мадам, и друг мой, Толик Гордукалов...

Персональный пенсионер наш, бывший председатель исполкома Боровский, на дерево не лазил. В холщовом сюртуке, заложив руки за спину, стоял поодаль, словно суслик в стойке. Следил, распоряжался.

А остальные – все на дереве: что-то там чистят, копошатся. Им то одно нужно, то другое – меня гоняют: «Поддай то, принеси это!»

И я им приношу то ножик, то отвёртку, то метлу, а они там возятся, кричат, не утихают. Вдруг им надо тяпку, тряпку, потом ковш воды... С разных веток раздаются их голоса.

Наверное, это субботник по благоустройству двора, и все из дома вывалили причёсывать деревья.

Там, на вербе, есть такие опасные кубла – это сгущения, комки, клубки.

Несколько веточек запутываются, сплетаются, срastaются – и получается кубло. В нём застревают старые листья, ветки, шелуха – всякий хлам и мусор. Если подобраться к нему по тонкой ветке близко, то заметно, что молодая зелень там особенная: листья не прямые, как пёрышки, а витые, искорёженные, с наростами и жирными, лоснящимися бородавками.

И вот такая гадость собирается в кубло. Его надо осторожно вычесать или вырезать так, чтобы не повредить живые здоровые ветки. Соседи расплетают косы дереву, освобождают зелёные волосы, сбрасывают вниз кубла. А там живут жирные рогатые жуки, козявки с раздвоенными хвостами, зелёные блохи. Может оттуда и змейка выскользнуть, и скорпион: твари скрываются там разные, ядовитые и опасные, готовые укусить.

Но всё на этот раз обошлось благополучно: никого не покусали, никто не упал; дерево причесали – и лезут вниз Витька в брюках дудочкой, насмешник Петька-Буратино, Нищенко в косынке и друг мой Толик Гордукалов.

Побелкой красят низ ствола – и, как отличница в белом переднике, стоит, красуется наша верба!

Как так может быть, чтобы весной соседи забирались на деревья? Или это мне приснилось? Если я и видел это раньше во сне, то вспоминаю сейчас, как будто было наяву. Наверное, со временем мешаются сон с явью: то, что когда-то было на самом деле, вспоминаешь во сне, а наяву вспоминаешь сны. Какой-то получается обмен, переворот... Но погоди, я помню точно, как мы расчёсывали эти кубла. Их видно хорошо ранней весной, когда листва ещё совсем мелкая, – кажется, что дерево полуодето. Дрожит наша верба на ветру в прозрачной рубашонке... Тогда заметно ясно: есть там сгущения, комки.

Весной соседи лезли на дерево и эти кубла вычищали. Расплетали, отрывали, отрезали – и сверху на землю сыпались гнилушки, ветки с бородавками, старые, от зимы оставшиеся листья... Мы всё это сжигали на костре – и погань мерзкая лезла оттуда, корчилась и издыхала!

Раньше соседи собирались вечерами под деревом: лампу на ветку повесят – и сидят в домино играют, «забивают козла». Тут же и дети бегают – и за полночь тёплыми вечерами жизнь во дворе продолжается.

Ветви шевелятся, уютно и душевно под этой зелёной копной, сверху звёзды проглядывают...

Соседи в основном мужики крепкие, в силах – начальники. Представьте: НАЧАЛЬНИК ШАХТЫ. Там, в шахте, народу работает – тьма, тысяча человек. Под землёй, где горючие газы, в каждый миг всё взорваться может! А ты распорядись всем хозяйством – и план гони, и перевыполнение давай.

Потом уже странные начальники появились – странники переезжие, как калики переходящие. Вот они развалят всю работу, шахту испортят, до аварии доведут. Их и снимут. А куда девать? Так как они начальники крупные, то по мелочи командовать не могут – вот их и переводят на другую шахту. А они и там всё развалят. Так и переезжают с места на место, пока есть ещё что развалить.

Когда кто-нибудь уезжал из нашего дома, то свой гараж нашему отцу оставлял. Так у нас, хотя и не было машины, завёлся один гараж, потом другой и чуть было третий не появился, но тут уж отец отказался. Всего три гаража было в нашем дворе, серьёзные, каменные. И чтобы они только нам принадлежали! Это уж слишком...

В гаражах стояли верстаки, велосипеды, были свалены журналы «Крокодил» и «Знание – сила» вместе со съестными припасами: кучи семечек подсолнечных, пирамиды арбузов и дынь, лук, заплетённый в косы. Мы заходили в гараж, осматривали закрома, выбирали себе арбузы и дыни на ужин.

В том, что соседи весной на дерево лезли, никак не разберусь: правда ли? Может, я это в книжке видел: по дереву кот бродит и русалка на ветвях сидит... А перекинулось на соседей – будто это Валька Малышева вместо русалки и что там кот учёный.

Стоп! Точно, был у нас во дворе учёный, он в техникуме преподавал, и фамилия у него была смешная...

Базилев! И сам на кота похож – с сухеньким личиком, осанистый, – он нам под вербой книжку читал про Хозяйку Медной горы.

Всё сходится: я не придумал ничего, у нас во дворе было как в лукоморье. И через сказку я вспомнил ещё одну фамилию соседей в нашем дворе. Они кота у себя держали – рыжего такого, бравого котяру Ваську.

Фамилия – это неспроста, даётся она нам не случайно. Такое слово, под которым кто-то живёт, старается. И что-то оно значит – и семья, и род это, и дерево – генеалогия.

Набор, соединение звуков для кого-то звучит остро и кровно, как клич и шифр. Впечатанная в голову, прожужжавшая все уши предкам фамилия окружает человека, вызывая любовь, смех, боязнь, неприязнь. Такая сказка ходит с каждым. Особенное это слово, и надо его тихо повторить, прислушаться, попробовать на вкус: вот новый человек, а вот его фамилия...

Была у нас во дворе тётка – та, что яблоки считала, – Вдовина. Так она для оправдания своей фамилии мужа со света сжила. Потом она и дочь свою мужа лишила – выставила зятя. Он, бедный, ходил по двору и плакал. Но, видно, так уж на роду написано – фамилия!

Живут, меняются в нашем дворе семьи-фамилии, как в калейдоскопе – трубке с дырочкой, что подарили мне на день рождения. Складываются разные узоры, кто-то переезжает, переставляются осколки, и каждый год – как поворот калейдоскопа. А вверху, над домом, над вербой, над двором, по кругу ходят звёзды. Стоит Полярная звезда, поворачивается ковш Большой Медведицы, собирает звёздный дождь, чтобы в августе просыпать его с неба...

Боровский. Старый боров с пустым и тяжёлым взглядом... Он решил, что ветка вербы загораживает свет в его квартире. Дерево так стояло – словно руку к дому протягивало, и ветки, как пальчики, тянулись к нам. Они мне очень нравились, может быть, потому, что росли с каждым годом, как ребята с нашего двора. А взрослые не росли – они сохли и белели. Как старушка костяная, похожая на Кощея Бессмертного, как Боровский. Всё более пустым становился его взгляд – и, странное дело, всё тяжелел.

Собрались соседи как-то и сговорились руку дерева отрезать. А нам было жаль её: мы на неё качели привязывали, лазили по ней – она упруго пружинила, нас качала и баюкала.

Отрезали.

Не вытерпело дерево такого измывательства – начало сохнуть с тех пор, как вместо ветки осталась одна уродливая культя.

И стало дерево сухие ветки в соседей бросать: расшевелит кроной воздух, вызовет ветер, листьями грозно зашелестит, словно дождь идёт. Так оно и дождь накличет: соседи бегают по двору, бельё снимают, кухни закрывают. А верба как затрещит, размахнётся и ветку сухую как кинет! Все врассыпную!

Тут словно проклятие нашло на наш двор – все перессорились, переругались.

Перестали соседи дерево расчёсывать и убирать и больше уже под ним не собирались.

А мы целые дни проводили на дереве. Там, между ветвями, устроили гнездо, как птицы. Днём книги читали, а по вечерам играли в водолазов: когда во дворе темнело, привязывались к ветке верёвкой и спускались вниз. Отходить далеко было нельзя – только на длину верёвки. И то ненадолго: надо было опять лезть вверх, на ветви, запасаться кислородом. Сначала залезали на первую палубу дерева, где расходился ствол рогулькой надвое, потом, обнимая ветви, поднимались выше и рассаживались в рядок на пружинистой ветке. А ещё выше шли мачты, куда мы карабкались, как заправские матросы.

Сверху был виден весь двор – как материк, оказавшийся под водой. Вечером внизу сумрачно и воздух вязкий, тёмный, как вода... Много попадает интересного на дне морском, словно в подводной Атлантиде, – дорожки цементные, как развалины древних храмов, диковинные окаменелости, следы прежней цивилизации. Так на нас кто-то посмотрит через толщу лет, из будущего, нового мира.

Соседка на крыльце читала книжку: «НОВЫЙ МИР» – и цифры снизу.

Интересно – новый мир и какой-то номер.

Миры под номерами.

А-а-а, это год указан: тысяча девятьсот восемьдесятый!

Почему же НОВЫЙ? Раз уже полежал, то старым должен стать!

Какая-то неправда в названии! Какой «новый мир» в тысяча девятьсот восемьдесятом?

Интересно заглянуть в книжку...

Я дал соседке «Последний дюйм», а взамен этот «Новый мир» взял.

Ну и мура!

Соседка сказала, что есть специальные журналы для писателей, чтобы их печатать.

Я возмутился: если настоящие писатели, то пусть книги пишут – как про Незнайку или профессора Вагнера. А не можешь написать так же интересно – вываливайся, нечего бумагу марать! А то пишут скуку смертную, и буквы все серые, сухие...

У нашей вербы полствола высохло. Её измордовали – отпилили эту половину, так что никакого вида не осталось: торчит голая культя среди двора. Тогда дерево с горя засохло совсем. Когда вербу нашу обрезали под корень, смотреть на это место стало больно. Потом пустота эта бесстыжая повсюду распространилась: засохли и яблони, и вишни.

А соседи совсем обмельчали. Приехали новенькие. Вроде бы неплохие люди: она учительницей работала, он – инженером. Но они то коврик у нас из-под двери стащат, то стаканы из кухни унесут... Даже не верится. Видно, от безденежья свихнулись. Хорошо, что хотя бы писем на нас не пишут – доносов и кляуз. А другие соседи начали писать: «В незаконном владении у них находятся два гаража, которые занимают большую часть двора и мешают развешивать бельё». Десять лет не мешали им гаражи, а тут, видно, выросли и зашалили, проказники, – гоняются по двору за соседями и мешают, мешают развешивать бельё.

Соседи написали на нас письмо. А кто подписал? Боровский, Нищенко, Андруссича – почти все подписали.

Получилась некрасивая история: гаражи ломали раскидали, по камню разнесли. И двор наш превратился в проходной. Со всех сторон в нём засквозили дыры – живого места не осталось.

Я уехал из дома и, как двор наш разрушался, узнавал из писем. Краткие визиты домой – как моментальные снимки: вот дерево с отрубленной рукой, вот от него осталась одна культяпка, вот развалины гаражей... Потом пропали остатки забора – и двор бесстыдно заголился, как в морге, где студенты-медики разглядывают куски тела, что когда-то двигалось, дышало.

Двор умер. Мёртвое, пустое пространство окружает дом.

Когда я узнал о смерти нашего двора – жутко стало. Значит, мне некуда возвращаться, и то, что я лелеял в памяти, что любил: дерево, заборы, гаражи, сараи – всё пропало.

Мне кажется, я помню каждую загогулилку забора, шелушистые шиферные крыши гаражей, шершавые, неструганные горбыли сараев...

Тогда я поклялся, что напишу об этом.

Что точно-точно вспомню всё: и как убрали дерево, как дружили соседи, как ставили под вербой стол, вешали лампу – играли в домино, забивали своего «козла» во дворе длинными вечерами. И вкус весенней капли на ветке, и запах почки...

Расскажу всё, как было, и про кубла эти, в которых погань.

Двор наш непростой: в нём русалка и кот учёный.

Потом я забыл о клятве, о дворе своём – всё недосуг: семья, работа...

Но вот я посмотрел на мир глазами своего сына, на этот новый мир вокруг, сравнил с тем, что сам видел в детстве, – и стало страшно.

Я опять вспомнил нашу вербу, вспомнил соседей – смешных, злых, добрых, чванливых и блаженных...

И вновь увидел наяву: соседи прихорашивают вербу.

Она стоит, как девчонка, с косичками тонких веток – готовится вступить в весну.

Верба – по-латыни значит «слово»¹.

В начале была Верба...

¹ Игра слов. От лат. v e r b o – слово. (Примеч. ред.)

Шпак

Так меня прозвали. Шпак – это скворец. Но я же не похож на скворца: у него перья чёрные, а у меня кожа белая. Он маленький, живёт в скворечнике на тополе, летает по двору, таскает к себе зёрнышки, пушинки тополиные, гусениц – птенцов кормит. А я, честно сказать, не очень занят по хозяйству: только раз в неделю мама попросит подмести пол или сходить за хлебом... Не вижу никакой связи между собой и этой птицей.

Ещё «шпаком» называют мирного человека, который не носит военной формы. В этом смысле каждого можно было бы назвать «шпаком», потому что военные появлялись у нас редко, только по праздникам, а если парень из армии домой приходит, то щеголяет в своей форме перед девчонками пару недель или месяц, а потом опять одомашнивается, в шпак превращается.

В нашем доме жил здоровый оболтус Петька. Он всё время болтался во дворе и обзывал меня разными прозвищами. По числу временных кличек я был рекордсменом – помню, Петька насчитал как-то чуть не тридцать кличек!

Плешь Водяная – это когда мне проломили голову новогодней ёлкой. То есть не самой ёлкой, а стволом её, новогодней палкой. Наши друзья-враги, балбесы из соседнего двора, зимой повадились бросаться ёлками, что после Нового года в изобилии валялись в окрестных сугробах. Тоже мне копьеметатели!

Один раз шёл я себе тихо-мирно домой, вдруг чувствую: что-то не то... Шум какой-то – шорох и свист. Оборачиваюсь: летит по небу ёлка, прямо как спутник Земли! И неотвратно приближается ко мне, иголками шелестит. Я чувствую, что уже не успеваю увернуться, сажусь на землю, закрываю лицо руками: бац! Своим остриём, которым к крестовине крепится, она приземляется прямо мне на темя...

Долго не заживала рана. Макушка была выбрита: там смазывали зелёнкой. Потом на этом месте проросла щетина – как зелёные иголки. Хорошо ещё, что ёлка не выросла на голове! Странное, конечно, зрелище – зелёная проплешина среди волос; видно, поэтому и прозвал меня Петька Плешью Водяной.

Бледной Поганкой он дразнился из-за того, что я просиживал целые дни над схемами из журналов, по которым безуспешно пытался спаять радиостанцию. От этого, конечно, портился цвет лица.

Обзывал он меня Лысой Башкой и Ёжиком, когда я сжёг себе волосы, играя с порохом.

Я обижался на новые прозвища. Это и нравилось Петьке больше всего: неожиданно оглушить новым словом – и пронаблюдать развитие обиды. Сначала доходил смысл, и я решал, насколько это обидно, а потом уже обижался – более или менее сильно. Если обижался несильно – дулся. А если обида была сильной, если кличка брала за живое, то на глаза навёртывались слёзы. Я кричал, что он изверг и супостат, топал ногами, обзывал его сам и убегал. Так было с Бледной Поганкой. Поганка имеет ядовитый оттенок. Выбрал он не доброе прозвище Опёнок или хотя бы яркое – Мухомор, а самое противное – Бледная Поганка!

Петька, конечно, был вредным, но, кроме него, у нас во дворе в то время не было мальчишек, приходилось волей-неволей с ним ладить. Раньше он не был таким противным, мы играли вместе в казаков-разбойников и жмурки, но потом он прямо ополчился на меня! Наверное, его самого где-то прижимали – дома или в школе, – вот он и отыгрывался на мне!

Но все эти мерзкие прозвища не приживались, сами собой отпадали и не шли ни в какое сравнение по популярности с самой старой и непонятной кличкой Шпак. В нашем классе все мальчишки меня называли так. Во дворе – опять Шпак. И лишь дома эта кличка не прижилась. Папа удивился, когда услышал, – и этого хватило, чтобы сёстры больше так меня не драз-

нили. Получалось, что, выходя из дома, где жил с именем человека, я превращался в какого-то заурядного Шпака. Словно снимал мундир важной и загадочной армии...

Со временем я как-то обвыкся, притерпелся к этому прозвищу и перестал обижаться. Начал даже задумываться: может, не случайно у меня такая судьба, может, и правда в чём-то мы родственники со скворцом, что свистел у нас со скворечника на тополе. Я переживал за него, присматривался к этому бедному отцу семейства, который кормил свою орущую ораву. Птенцы высовывали жёлтые клювы, разевали их, как прищепки, и пищали истошно, если он подлетал к ним и притаскивал червяков.

Песни скворца меня радовали. Когда он щебетал по весне скрипучим голосом, было очень приятно. Не могу понять, почему считается, что соловей как-то необыкновенно красиво поёт – и от него все млеют. По-моему, слава его раздута. Слышал его несколько раз: ну, знает он пару-тройку коленец – ничего особенного. Скворец поёт не хуже. Скворец может по-разному петь. Он и щёлкает, и свистит, и чуть не хрюкает. Он и по-петушиному может кукарекать, и как свинья визжать. Я считаю его самым интересным певцом – с широким диапазоном.

Однажды я даже слышал, как он мяукал. Дело было так: рыжий кот Васька, бандит и хулиган, бежал по двору, подняв хвост трубой. Опять, наверное, набедокурил. Вдруг я слышу: «Мя-а-а-у!» Васька весь передёрнулся, к земле прилип, смотрит по сторонам сумасшедшими глазами: что это за нахал нарушил его территорию, вторгся в наш двор? Он по-пластунски пополз к сараю и ушами водит, глазами рыскает по сторонам. Опять слышу явственно: «Мя-а-а-у!» Звук доносится сверху – то-то Васька не может понять, откуда его дразнят. Я осмотрелся: нет никакого кота! На ветке сидит скворец – и преспокойно мяукает! Точно он! Потому что больше некому.

Тут и Васька догадался, в чём дело, – задрал морду, зашипел – и как прыгнет на дерево! И давай карабкаться по стволу вверх. До середины долез. А скворечник на самой вершине прибит – ещё столько же лезть надо. Тут Васька оглянулся, увидел, что земля далеко, – и завопил от ужаса. Потому что тополь у нас очень высокий! Забыл Васька про своего обидчика, про обиду – только о том думает, как спуститься. Так заорал, что сбежались соседи его выручать, притащили приставную лестницу, еле сняли...

А скворцу хоть бы что – сидит и сверху посвистывает. Хотя он и меньше Васьки в десять раз, и слабее, но птица гордая, смелая и с юмором. Так что я с тех пор и сам загордился: думаю, здорово, что меня Шпаком называли! Это значит, что я могу летать и над дураками смеяться. У Чингачгука – Большого Змея и у Последнего из Могикан тоже были свои тотемы: змея и черепаха. Так и у меня есть своя любимая птица, с которой я породнился, – скворец.

С тех пор я перестал обижаться на это прозвище. Наоборот, даже почувствовал в себе добавочную силу, новые способности: как будто все люди – только люди, а я ещё и скворец, словно у меня появились ещё одна родина – небо и ещё один дом – скворечник.

И сны мне стали сниться новые: летаю я рядом со скворечником, парю над тополем, над крышей и проводами, сажусь на ветку, рот открываю и начинаю петь.

Не хуже соловья.

Конец библиотеки

У крыльца библиотеки росло тутовое дерево. Мы называли его «а-тjо-ти-на». Это слово – смачное, состоящее из мелких слогов-бусинок, – передавало ощущение вкуса. Когда положишь пухленькую ягоду в рот, зажмуришь глаза – она вспыхнет соком на языке. Вообще это дерево очень странное. Во-первых, непонятно, что за плоды оно даёт, потому что они не круглые, как вишни, не вытянутые, как груши, и не раздвоенные, с мягкой выемкой, как абрикосы. Больше всего они напоминают малину или морошку, но те ягоды растут внизу, в траве, в невысоких кустиках, а здесь огромное дерево их на такую высоту занесло, что никак нельзя достать, если не влезть наверх.

Ягоды эти похожи на кисть винограда, только очень маленькую, миниатюрную. Если наешься их – весь рот и руки становятся чёрными... И когда ягоды, налитые чёрным соком, падают с высоты, то разбиваются о камни и оставляют следы, похожие на тёмных гусениц. Долго потом на крыльце библиотеки остаются чёрные крючки, тире и запятые, как слова древних текстов.

Камни крыльца шершавые, ласковые. Приятно на них сидеть летом, разглядывая картинки в книгах. Здесь можно встретиться со знакомыми, поглядеть, какие книги они принесли, что взяли, слазить на дерево, угоститься ягодами, написать во рту новые слова вкусными красками...

Потом библиотеку решили перенести из старого деревянного здания в новое каменное. Долго стоял заколоченным, с закрытыми ставнями, этот дом – у высокого дерева, полного ягод. А мы, проходя мимо, пускали слюнки – вот бы туда попасть!

На какое-то время книжки ушли – их вытеснили футбол, взрывпакеты, самопал, велосипед, – у человека бывают этапы в жизни, когда ему не до книг...

Потом книги снова вернулись, но уже не сказки, а приключенческие романы, в которых жизнь по накалу страстей была сравнима с нашей: дуэли, клады, порох, пираты... Мы начали меняться книгами: Фенимора Купера на Марка Твена, «Копи царя Соломона» на «Бравого солдата Швейка», «Королеву Марго» на «Собаку Баскервилей»... И вот тогда всплыла эта история про детскую библиотеку, где почему-то после переезда нечего было взять почитать. Теперь библиотека помещалась на первом этаже заурядного блочного дома, и никакая аютютина под окном уже не росла.

Петька как-то рассказал, почему детская библиотека стала неинтересной. Рассказ этот позже стал одним из любимых в нашей компании, превратился в легенду. Мы слушали его, затаив дыхание, как, верно, наши предки внимали легенде об Атлантиде.

Обычно Петька рассказывал эту историю вечером, когда прочие развлечения уже недоступны: играть в футбол и стрелять из воздушной винтовки темно, гулять по городу – поздно. Он вскидывал свой длинный, с боевым шрамом посередине нос (по его версии, нос чуть не откромсало свалившееся из окна второго этажа стекло, но я-то думаю, что Петька сам его совал куда не следует)... так вот, восторженно хлопая этим перерезанным напополам и вновь отросшим, как хвост у ящерицы, носом, Петька говорил, что есть такое место, куда он с приятелями спрятал ящик книг, и все отборные, высшего сорта: «Похитители бриллиантов», «Двадцать лет спустя», «Копи царя Соломона»... Эти книги они стырили из детской библиотеки и поэтому боялись приносить домой. Они, если верить Петьке, припрятали ящик с книгами на чердаке могучего сарая, что, как туша огромного динозавра, возвышался посреди нашего двора.

Дело было так: перед перевозкой книг из старого здания в новое образовалась неясная пауза: на старом месте книги стояли, но их никому уже не выдавали, а на новом их ещё не было, и поэтому их тоже никому не выдавали. Какие-то нетерпеливые любители литературы,

которые дня не могли прожить без книг, решили проникнуть в библиотеку и взять на своё усмотрение, не тревожа библиотекарей, книги на дом. Решили они это вечером, и так как им здорово приспичило, то влезли через окно. Выбрали самые лучшие книги и взяли немного, но за ними в отворённое окно пошли уже читатели «широкого профиля». Пронёсся слух, что в библиотеке есть много бумаги, которая может быть полезна в домашнем обиходе. К библиотеке потянулись жители соседних домов. Они уже не смотрели на названия, а брали всё подряд: от скучных журналов до Марка Твена.

Тогда-то Петька, прослышав о таком позоре своего любимого Марка Твена, которого равняли с газетой, тоже ринулся в библиотеку, чтобы спасти от невежества лучшие тома из серий «Библиотека приключений» и «Научная фантастика» – и таких томов набралось пара десятков. Когда он изучал при свете карманного фонаря полки, подъехали на подводах жители окраин, и несколько серьёзных мужиков начали сгребать в мешки всё, что не взяли разборчивые любители чтения. Так за два вечера вся «наличность» библиотеки была «выдана» без волокиты, без заполнения формуляров и карточек учёта.

Петька с друзьями решили, что у родителей могут возникнуть вопросы: откуда столько книг с библиотечными штампами появилось дома? Да и милиция могла заинтересоваться любителями приключенческой литературы. Потому книги были забиты в ящик и припрятаны на чердаке до лучших времён. Однако то ли кто-то нарушил обещание в одиночку не трогать этот клад, то ли сам хитрый Петька втихую перепрятал сокровище в лучшее место – в общем, из его рассказа следовало, что книги где-то потерялись.

Эта посылка с отборными книгами, застрявшими на полпути от библиотеки к читателю, бередила душу – я глотал слюнки, а Петька смеялся громко и утробно, наблюдая за моими рефлексами – как физиолог Павлов за своей собакой. Он ржал и тыкал в меня пальцем:

– Попробуй поищи!

Ему доставляло удовольствие рассказывать одну и ту же байку и наблюдать волнение младших корешей. Втайне от друзей я лазил на чердак и тщательно перебирал барахло, скопившееся там за десятки лет: старые перины, сломанные люстры, десятки пар древней обуви и дырявые кастрюли – в общем, всю рухлядь, в поисках желанных «Копей царя Соломона», «Секретного фарватера» и «Королевы Марго».

Но сокровища не находились, и каждый раз, обессилев от борьбы с пылью, я давал себе зарок больше не верить Петькиным врачам – чтобы после очередного рассказа опять лезть на чердак и искать в пыли «Копи царя Соломона»...

«Шипка»

Во дворе у нас был могучий сортир с двумя отдельными комнатками и одной общей залой. Сортир был построен на славу, как древний замок. Сложен он был из дикого камня, обмазан цементом и имел даже просторный чердак под двускатной крышей.

Однажды мы обнаружили, что в наглухо заколоченном чердаке этого дворца появилась прореха: одна доска была выкорчевана, а другая не имела гвоздя снизу, так что её легко было отодвинуть в сторону. Это открытие взбудоражило нас с Гришкой (он приезжал к деду на каникулы и становился моим главным другом во дворе). Что там может быть, на этом чердаке? Там кто-то скрывается или что-то спрятано, какой-нибудь клад? И вообще, как устроен этот заколоченный обычно чердак?

Мы решили заглянуть внутрь. Когда глаза привыкли к темноте, то в струйках света, сбегающих от дырочек под шляпками гвоздей, увидели деревянные стружки. В дальнем конце чердака было устроено гнездо – место, где побывал какой-то человек или зверь: стружки там были примяты так, что получалось что-то вроде логова, лежбища. Мы забрались туда и стали рыскать глазами и руками в поисках клада.

В углублении под самым краем крыши Гришка нашёл сигареты «Шипка». На пачке была нарисована четырёхугольная каменная башня.

Пачка была надорвана.

Гришка сказал:

– Попробуем?

Я никогда раньше не курил. Мы вытащили по сигарете, нашли спички и подожгли кончики сигарет. Я вставил сигарету в рот, набрал сквозь неё дыму и с видом заправского курильщика выпустил. Гришка закашлялся. Я продолжил упражнения, выпуская дым уже уголками рта. Гришка глядел на меня и млел от зависти:

– Как у тебя получается? Горло не дерёт?

Конечно, от горького дыма во рту было противно, горло подсыхало и прошибало соплёй. Но всё это была ерунда по сравнению с тем, что я мог так спокойно курить, а у Гришки ничего не получалось. У него даже сигарета потухла, пока он кашлял!

Гришка смотрел на меня, смотрел восхищёнными глазами, а потом вдруг и говорит:
– Да ты не затягиваешься! Курить надо с затяжкой, – начал учить меня Гришка. – Глотать дым внутрь, набирать в лёгкие.

Тут пришёл черёд удивляться мне. Глотать дым? Набирать в лёгкие? Эти слова вызывали недоумение. Чтобы я глотал эту едкую гадость, да ещё набирал её в лёгкие? Про таинственные эти лёгкие я слышал, будто они похожи на дерево с миллионом нежных листиков, которое растёт и дышит внутри нас...

– Нет, – говорю я Гришке, – каждый курит как хочет.

Я решил, что изобрёл новый вид курения, о котором раньше не догадывались. Безвредный, неопасный. Разве может быть, что Гришка курит правильно, а я неправильно? Нет, я курю правильнее!

В этот момент раздались шаги и заскрипела дверь в сортире. Мы перепугались и бросились гасить сигареты. Тот, кто внизу, мог почувствовать запах табачного дыма и обнаружить нас. Но гасить сигареты на чердаке, набитом тонкой стружкой, очень опасно! Тлеющие крупинки табака упали прямо в стружки, те сразу занялись, пустили искры, пришлось быстро давить их, под рукой ничего не было, так мы их ладошками накрывали: от одной искры весь чердак мог вспыхнуть в один миг! В общем, натерпелись мы: руки обожгли и до смерти перепугались. Нам угрожал крупный нагоняй от старших – поди докажи, что мы забрались сюда случайно, что это не наше логово...

Тот, кто внизу, повозился и ушёл. Стало противно: всё-таки мы сидели не во дворце и запах тут не самый лучший, хотя, конечно, не так шибает, как от сигареты.

Мы опять попробовали закурить. Тут меня поджидала неудача: я хватил-таки табачного дыма внутрь, горло запершило, продрало, словно щёткой, ёршиком для мытья бутылок с какойто мерзкой химией, провели по горлу. Ну и дрянь! Слёзы полезли из глаз...

– А-а-а, – протянул Гришка, – вот так надо, с затяжкой!

Ну уж нет, какой это дурак будет себя так изнутри травмировать! Может, и найдутся такие, но это занятие не для меня!

* * *

С тех пор я больше не пробовал курить. Гришка же пристрастился к сигаретам. У него даже испортился цвет лица: был раньше розовым, как у поросёнка, а стал свинцовым – небо ненастное.

Я очень хорошо и терпеливо отношусь к курильщикам. Зато они, как только узнают, что я не курю, начинают подозревать меня в страшных грехах. Тогда я им говорю честно, что раньше курил, но бросил. И они успокаиваются. За своего принимают:

– Давно бросил?

– Лет в восемь.

Ёжик и самопал

Ромашки тряслись и дёргались – что-то там шебуршилось...

Ёжик!

Мы накрыли его папиной шляпой и притащили домой. Папа был против того, чтобы отрывать ёжика от обжитых мест, но мы уговорили, уломали папу: у нас дома никакой живности нет, а очень хочется, и даже обязательно надо за кем-то ухаживать и заботиться... А если ёжику не понравится у нас, мы его выпустим обратно!

Ёжика поселили в гараже. Гараж достался нам в наследство от соседей: они как-то по весне сложили вещички, погрузились в машину и снялись с места, как перелётные птицы. В этом брошенном машиной, пустом гнезде остались запах мазута, верстак для ремонта и гулкое, свободное пространство. Гараж был огромный, каменный, сложенный из толстых блоков.

Ёжик забился под верстак и не подавал оттуда никаких признаков таинственной ежиной жизни. На первое время я оставил его в покое – пусть обвыкнется! Принёс ему плошку молока и запер гараж.

Однако и на следующий день он не проявлял никакой приязни, не благодарил за молоко, не шёл на контакт. Тогда я взял черенок от лопаты, сунул под верстак и, выгнав ёжика на середину гаража, принялся его изучать.

Для начала бросил в корыто с водой. В воде ёжик распрямылся и жалко, по-собачьи поплыл, судорожно болтая маленькими кривыми лапками. Когда я его вытаскивал из корыта, надев на руки старые варежки, он фыркал и сворачивался в оборонительную позу. Там, где нос утыкается в зад, оставалось овальное углубление, по краю которого рос ряд волосков и виднелась кромка мягкого брюха. Лиса, наверное, этого не могла заметить, потому что не могла надеть варежки, и ежу во всех сказках удавалось её одурачить.

Но меня ежу провести не удалось – он был целиком в моей власти. Он лежал упругим серым мячиком, который я мог катать из угла в угол. Правда, при первой же возможности он старался развернуться и убежать под верстак, смешно семеня тонкими кривыми лапками. Он высовывал рыльце с заострённым, как турецкая туфля, носом, увенчанным блестящей чёрной бусинкой, и нёсся что было сил к спасительному верстаку. Но я его настигал всякий раз и опять пытался наладить контакт: совал к блюду с молоком, чтобы напомнить, кто его тут кормит, или пробовал развернуть и посмотреть в глаза. Ёжик фыркал недовольно, недружественно и старался свернуться потуже. Временами он пульсировал, каким-то хитрым способом заостряя и выпячивая иголки. В общем, я в нём совершенно разочаровался – видно, этот наш дремучий однопланетянин находился на столь примитивной стадии эволюции, что не мог понять мои исследовательские порывы.

В конце концов я забросил его под верстак и обиделся. К нему с лучшими намерениями – а он устраивает бойкот...

Я часто бывал в гараже – готовил горючие смеси, которые должны были заменить дефицитный порох, необходимый в стрельбе из самопала, или точил дюралюминий для взрывпакета. Ёжик иногда шелестел старыми газетами под верстаком. В общем, мы как-то сжились с ним.

И вдруг я обнаружил, что ёжик перестал подавать какие-либо признаки жизни. Я обшарил все углы, залез с фонариком под верстак – нигде его не было. Не мог же он прогрызть ход в каменной стене или в толстых деревянных дверях гаража?

Я обследовал все окрестности и в свалке досок, в узком проходе между гаражом и сараем обнаружил... что бы вы думали? Настоящий пиратский клад – пузатую бутылку из-под рома, доверху набитую мелкими серыми иголками!

Я притащил находку в гараж, высыпал содержимое на газету... Сомнений быть не могло – передо мной порох! С замиранием сердца я отложил щепотку, чиркнул спичкой – и иголки пыхнули ярким пламенем, оставив облако дыма; вначале дым скрутился в клубок, а потом выпустил тонкую ножку и пророс грибом... Вот это да! Сбылась моя мечта, я стал обладателем настоящего сокровища – серого пороха!

Он лежал компактной кучкой, похожий на пропавшего ёжика, только иголки были мельче. Но зато порох был полностью в моей власти: я мог поделить его на сколько угодно частей, мог сделать верную сотню выстрелов из самопала или изготовить несколько ракет!

Кто мне его подкинул, за что? Мне казалось, что это было связано с ёжиком, словно кто-то поменялся со мной, – живого, фыркающего, свободолюбивого ёжика забрал, зато пороху подсыпал. Я погружал руку в кучку пороха, закрывал глаза и блаженствовал. Порох мягко шелестел, сыпался между пальцами...

Порох этот потом был весь использован по назначению. Наступило упоительное время стрельбы и взрывов. Забор был изрешечён пулями. Но однажды, когда мой драгоценный запас уже кончался, один из простейших опытов завершился плачевно. Я положил щепотку пороха в трубку жестяной школьной ручки, сунул туда спичку и заглянул...

Шквал палящего пламени ударил в глаза, обжёг лицо. Я с воплем бросился к бочке с водой... Когда резкая боль прошла, оказалось, что я могу, слава богу, видеть обоими глазами, но... Ресницы были коротко оплавлены – они, как тычинки у цветков, кончались набалдашниками. Волосы спереди слиплись и превратились в одну сплошную, словно пластиковую массу. Стояла ужасная вонь: несло жжёной щетиной, как будто смолили свинью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.